

Чэн Цзыянь вспомнил, что привык к распорядку дня, который сложился у него за долгое время работы в баре «Цзуйсэ». Вчера днем из-за возникшей размолвки он сильно утомил Кэ Чи, поэтому сейчас не стал его будить. Он положил сэндвич и молоко на стол, нашел в кабинете бумагу и ручку, написал записку и прижал ее к донышку стакана с молоком.

Он двигался очень тихо, но, собираясь уходить, заметил на диване аккуратно сложенное пальто, которое он накинул на Кэ Чи перед уходом прошлым вечером.

Чэн Цзыянь не смог сдержать вздоха, подошел и взял пальто. Собираясь бросить его в стиральную машину, он уловил легкий запах феромонов Омеги, исходящий от одежды.

Нежный аромат роз, в отличие от пьянящего и соблазнительного запаха течки, был скорее горьковатым, словно нежные лепестки, лишённые влаги, увядали.

Чэн Цзыянь нахмурился, сердце сжалось от дурного предчувствия. Он бросил пальто в корзину для белья и быстро направился к двери гостевой спальни. Немного поколебавшись, он все же нажал на ручку.

К его удивлению, дверь не была заперта изнутри, и он легко открыл ее, слегка надавив.

В воздухе витал горький и унылый аромат роз. На кровати, укрытый бежевым одеялом, лежал Кэ Чи, свернувшись в центре. Видимо, из-за отсутствия чувства безопасности он даже наполовину уткнулся лицом в одеяло. Было видно, что он чувствовал себя не очень хорошо: даже во сне его брови были нахмурены, на изящном и бледном лице появился легкий нездоровый румянец, а мягкие черные пряди волос на висках подчеркивали некую хрупкую красоту.

Но сейчас Чэн Цзыяню было не до восхищения красотой. Он нахмурился и приложил ладонь ко лбу Кэ Чи, ощутив жар.

Он только что вернулся с улицы, и его тело сохраняло прохладу раннего осеннего утра, что, как ни странно, смягчило жар. Кэ Чи инстинктивно повернул лицо, чтобы приблизиться к прохладной ладони, его длинные ресницы слегка задрожали, но он не собирался просыпаться.

Ладонь слегка защекотало от теплого дыхания. Чэн Цзыянь на мгновение застыл, затем тыльной стороной руки мягко коснулся его теплой и гладкой щеки, чтобы немного снизить жар. Через некоторое время он убрал руку и направился в ванную, машинально потирая кончики пальцев.

Он не был уверен, оставила ли уборщица, нанятая компанией, в доме какие-либо лекарства, и не знал, что вызвало лихорадку у Кэ Чи. Поэтому он сначала связался с семейным врачом, взял чистое полотенце, смочил его водой и положил на лоб Кэ Чи.

Кэ Чи спал чутко, поэтому проснулся, когда Чэн Цзыянь подошел. Но его мозг был затуманен жаром, голова болела тупой болью, а горячее дыхание причиняло ему дискомфорт. Он не мог понять, что именно болит, но чувствовал себя ужасно.

В полусне он словно вернулся в приют, где сидел один под голым деревом османтуса. Солнечный свет вокруг был слишком ярким, но, падая на него, словно превращался в бесчисленные острые лезвия, проникающие в кости, вызывая ледяной холод, от которого он не мог перестать дрожать.

Он инстинктивно свернулся еще плотнее, пытаясь отогнать холод, но в следующую секунду

погрузился в бесконечную тьму. Кровь, текущая под кожей, словно воспламенилась, жгучая боль, исходящая от желез на затылке, заставила его задыхаться, и он мог лишь полагаться на прохладу на лбу, чтобы немного облегчить боль.

— Кэ Чи, Кэ Чи? — Чэн Цзыянь заметил, что он что-то бормочет, но, наклонившись, чтобы послушать, ничего не услышал. Он лишь почувствовал, как Кэ Чи стиснул зубы, издавая прерывистое дыхание, а его спина, укрытая мягким одеялом, выгнулась, как тетива, натянутая до предела, и он вздрогнул, словно от сильного холода.

Чэн Цзыянь испугался, сел рядом, осторожно приподнял его плечи и прижал к себе, ладонью поглаживая его выгнутую спину, но чувствовал себя беспомощным, не зная, как облегчить страдания человека в своих объятиях.

— Больно... — Кэ Чи сдавленно прошептал, крепко сжимая рукав Чэн Цзыяня, его пальцы побелели от напряжения.

— Где болит? — На этот раз Чэн Цзыянь ясно услышал его шепот и мягко спросил, но Кэ Чи сжал губы и не ответил. Видимо, из-за высокой температуры он был в полубессознательном состоянии и не хотел отвечать на вопросы Чэн Цзыяня, что немного раздражало последнего.

Чувство обиды, смешанное с физическим дискомфортом, постепенно наполняло сердце Кэ Чи. Он не считал, что ему есть на что жаловаться, но не мог сдержаться. Когда Альфа обнял его, но оставался молчаливым, он почувствовал неудовлетворенность, погрузившись в хаос противоречивых эмоций.

Он все еще не отпускал рукав Чэн Цзыяня, словно хотел прижаться к нему еще ближе, но что-то сдерживало его, заставляя сдерживать свои движения. Это вызвало покраснение в уголках его глаз, и слезы тихо потекли по его щекам. Его лицо покраснело, кончик носа тоже стал красным, и он выглядел так, словно плачущая груша, вызывая жалость.

Чэн Цзыянь не мог уйти, осторожно вытирая его слезы рукавом, но в сердце его охватила мягкость от такого вида. Даже если бы у него были какие-то сомнения или раздражение, они растаяли бы в его слезах.

— Почему ты ничего не хочешь мне сказать? — Чэн Цзыянь прижал его к себе, мягко разгладил растрепанные волосы на висках и посмотрел на его редкое проявление уязвимости.

Омега в его объятиях все еще хмурился, готовый заплакать. Ему явно было очень плохо, но, кроме бессознательного стога, он больше не показывал своей слабости.

Чэн Цзыянь смотрел на него, медленно разглаживая его нахмуренные брови пальцами, и не смог сдержать легкий вздох.

Возможно, чувствуя, что рядом есть кто-то, кто его поддерживает, Кэ Чи, полежав в объятиях Чэн Цзыяня, постепенно начал приходить в себя.

Голова все еще кружилась, но он уже не был в таком тумане, как раньше. Он смутно понимал, где находится и что происходит, но не помнил, когда пришел Чэн Цзыянь и как оказался в его объятиях. Он лишь смутно чувствовал, что его обнимали очень нежно, а теплая ладонь мягко гладила его спину через одеяло, успокаивая его.

Обида и печаль, которые чуть не захлестнули его, постепенно рассеялись, и он даже почувствовал необычную лень, жадно желая остаться в объятиях этого Альфы как можно

дольше.

— Проснулся? — Чэн Цзыянь заметил, как он с трудом открыл глаза, выглядев растерянно, обнял его за плечи и слегка надавил, чтобы помочь ему сесть на кровати.

Однако Кэ Чи, еще не полностью оправившийся от лихорадки, инстинктивно сжал уголок рукава, который держал в руке, когда почувствовал, что Чэн Цзыянь, похоже, собирается уйти. Его красивые глаза снова наполнились влагой, и чувство обиды, которое только что исчезло, вместе с ощущением покинутости и беспомощности, похожим на то, что он испытывал много лет назад, снова вернулось.

Он сжал губы и, когда Чэн Цзыянь, почувствовав натяжение рукава, вопросительно посмотрел на него, опустил глаза, избегая взгляда. Его пальцы медленно разжались, и он, подчиняясь давлению на плечо, прислонился к подушке, которую Альфа заранее положил на изголовье кровати.

Он изо всех сил старался сдерживать свои эмоции, но плохое физическое состояние не позволило ему это сделать. Чувство потери передавалось через феромоны, которые он не мог сдержать, и даже сладкий и соблазнительный аромат роз стал увядшим и горьким.

Чэн Цзыянь почувствовал это по феромонам Омеги, витавшим в воздухе, но мог видеть лишь маленький завиток волос на макушке Кэ Чи, когда тот опустил голову. Это выглядело так, словно он, отказавшись от зависимости, капризничал, что было немного мило — эта неожиданная мысль ненадолго удивила самого Чэн Цзыяня.

Но он лишь молча вышел, налил стакан теплой воды и вернулся, протянув его Кэ Чи:

— Сначала выпей воды. У тебя сильный жар, врач уже в пути. Когда он придет, выпишет тебе лекарство, и тебе станет лучше.

Кэ Чи посмотрел на поданный стакан. Он чувствовал себя обессиленным, нервы, измученные долгой лихорадкой, ослабли, и он не хотел двигаться. Он еще немного посмотрел на стакан, прежде чем медленно поднять руку и взять его, слегка кивнув:

— Спасибо.

Его тихий и хриплый голос удивил даже его самого. Он не ожидал, что будет звучать так плохо, и, опустив глаза, сделал несколько глотков горячей воды, чтобы смягчить горло.

<http://bllate.org/book/16759/1562975>